

Семенов О. В. К вопросу о времени вхождения в состав Московского государства Перми Великой // Изв. Урал. гос. ун-та. Екатеринбург, 2004. № 31. С. 34–45.

Туровский Р. Идентичность и география в современной России [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://regionalistica.ru/library/articles/rft9/>

Эткинд А. Русская литература, XIX век: Роман внутренней колонизации // Нов. лит. обозрение. 2003. № 59. С. 103–125.

Юшков Т. А. Бива, 2007. Рукопись.

Brians P. Postcolonial Literature: Problems with the Term, 1997 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.wsu.edu/~brians/anglophone/postcolonial.html

Статья поступила в редакцию 10.08.07.

М. А. Литовская

«РУССКОЕ», «ЧУЖОЕ», «ВРАЖДЕБНОЕ» В ПОВЕСТЯХ ТАТЬЯНЫ МОЛДАНОВОЙ*

В отечественной исследовательской практике о колониальном дискурсе в советской и постсоветской культуре до недавнего времени практически не говорили, поскольку в рассмотрении проблемы взаимодействия народов в социалистическом государстве доминировал пафос благотворности объединения народов вокруг могучего Старшего Брата. Необсуждаемыми достижениями считались получение «малыми» народами «удобной» письменности и широкое распространение среди молодежи высшего и среднего образования, что создавало условия для формирования своей, национальной интеллигенции. Возникающие проблемы, например, массовый исход молодежи из традиционных профессий, растущее пьянство, сокращение численности народа, рассматривались в общесоветском социальном контексте: дескать, везде деревни пустеют. Публичная оценка подобных тенденций как соответствующих колониальной практике была немыслимой, ибо само понятие колониализм однозначно соотносилось с капитализмом или империализмом.

Комплекс проблем колонизации оказался сложен для обсуждения не только из-за существовавшей в СССР системы запретов, но и потому, что колонизация идеологически связывалась с идеями просвещения «темных» народов, выводом их из исторической тени. Распределение ролей колонизаторов/колонизуемых, специфика национальных характеров участвующих в этом историческом процессе народов — все это вопросы, не имеющие однозначных решений.

Признание Советского Союза наследником Российской империи, государством, где колониальные практики сопровождалась антиколониальной риторикой, анализ своеобразия колониальной политики России как страны преимущественно «внешней» или «внутренней» колонизаций [см.: Сопленков, 2000; Эткинд, 2001; Slezkine, 1994]¹

* Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

¹ См., напр., дискуссионные материалы в журналах «Неприкосновенный запас», «Ab Imperio» и др.

позволили изменить угол зрения на многие явления истории, в том числе и на проблематику литературы недавнего времени.

Всколыхнувшая отечественное общественное мнение 1960—1980-х гг. «деревенская» проза, обратившись к проблеме трагического кризиса, связанного с утратой национального уклада, наметив историю и вектор утраты, воссоздав картину «русского благочестия», идеального «лада», подняв голос против того, что мы сегодня называем глобализацией, перешла к летописанию угасания деревни. «Деревенская» проза не была явлением сугубо русским, поскольку во многих аспектах своей проблематики и поэтики она непосредственно соотносилась с традициями колониальной литературы [см.: Cannadine, 2001]. Для литературы подобного рода принципиальной оказывается категория «чужого», которое является не просто иным, но чуждым, несущим противоречия традиционным убеждения и ценности, уничтожающим свое, естественное. Опасность чужого/чуждого усиливается, когда за ним стоит власть, тогда в культуре формируется образ чужого не только как потенциально угрожающего, но и как непосредственного враждебного².

Как колонируемое может восприниматься определенное сословие, например, русское крестьянство — жертва жесткой и последовательной «просветительской» войны советской власти, чья политика в области сельского хозяйства направлялась против веками складывавшегося уклада жизни деревни. Аналогичная проблематика — неравное столкновение «исконного» и «привнесенного», «естественного» и «произвольного» — отчетливо прослеживается и в произведениях «национальных», как их называли в советское время, писателей, составивших славу своим литературам. «Буйволица» Г. Матевосяна и «Белый пароход» Ч. Айтматова, «Лестница в небо» М. Слущкиса и «Сребропяхи» Э. Ветемаа описывали сходные явления. Осознание чуждого, потенциально опасного сходно у народов, входящих как составная часть в историю единого государства. Не случайно советская история народов, входящих в состав СССР, описывается через события, общие для истории войны власти и народа вообще: трагедию коллективизации, несправедливых репрессий, искоренения традиционного уклада...

Но как бы ни обнаруживалась общность проблем «старших» и «младших» братьев, если в русской «деревенской» прозе в роли чуждого выступает преимущественно власть (советское государство, сориентированное на интересы города, чиновничества, воспроизводство самого себя и т. п.), то в литературах «народов СССР» чужих было как минимум двое: государство и русские, чьи интересы это государство воплощало. Если государство несло более или менее очевидную опасность и конструировалось как некая репрессивная сила, предъявляющая безоговорочные требования жить по установленным правилам, то русские как единство конструировались слабо, распадаясь на отдельных представителей, среди которых были и хорошие, и плохие люди³.

² В рамках «деревенской» прозы это особенно отчетливо проявляется в изменении пафоса в творчестве, скажем, В. Распутина или В. Белова, в пределах «национальной» — Ч. Айтматова или Э. Ветемаа.

³ Введение в фабулу «хороших» и «плохих» русских характерно как для «деревенской» прозы («Царь-рыба» В. Астафьева), так и для иных типов антиколониальной литературы («Буранный полустанок» Ч. Айтматова). В произведениях Н. Думбадзе («Закон вечности») или Э. Ветемаа («Монумент», «Сребропяхи») функции «плохих» и «хороших» выполняют соответственно сами грузины или эстонцы, дальше или ближе отстоящие от «истинных» национальных ценностей. О своеобразной позитивности образа чуждого писал Ф. Искандер, определяя феномен эндурцев — территориально ближнего, но воспринимаемого как чуждый народа — как элемент, необходимый для успешного выстраивания национальной идентичности, т. е. определения своей принадлежности к «воображаемому сообществу» (Б. Андерсон), нации.

Защита своего от чужого, восприятие чужого как разрушительного — среди всего прочего подточило советскую империю изнутри. Но распад СССР, намертво связавший для народов, входивших в его состав, слова *русский* и *советский*, уменьшив размер империи, не искоренил колонии как факт, свидетельством чего являются тексты многих писателей, в частности северных народов. Особенно отчетливо колониальная тема прозвучала в творчестве писательниц-женщин, переживающих двойное отчуждение: она — женщина (иное мужчины) и она — нерусская (иное русского).

Рассмотрим это на примере двух повестей 1990-х гг. Т. Молдановой, писательницы народа ханты, чья биография начиналась типично для людей ее национальности и поколения: ранний отрыв от семьи, учеба в интернате, потом в Ленинграде, работа инженером-программистом и учителем вдали от дома. В тридцать лет Молданова возвращается домой, пишет повести о жизни ханты, занимается этнографией, проблемами сохранения и изучения народной культуры ханты, защищает кандидатскую диссертацию по орнаментике ханты, работает в качестве вице-президента Ассоциации «Спасение Югры» [БТЭ, 2004]. Насильственный отрыв от традиций своего народа, длительное существование внутри русской культуры, возвращение к «истокам», а после — публичная деятельность писателя, этнографа — носителя особой культуры, одновременно осмысляющего специфику этой культуры, приводят Молданову к осознанию противостояния власти и малого народа, а также к проговариванию в художественных текстах тех чувств и переживаний, что выходят за рамки возможностей академического ученого и публичного политика.

Центральным в творчестве Т. Молдановой является конфликт столкновения природы и цивилизации, рассмотренный через жесткое противопоставление культуры ханты и воплощаемой русскими власти. При этом мир ханты показан как мир идиллической общинной жизни. Земля ханты воспринимается ими как дом, где есть родовые и именные стойбища, известные только своим дорогами и отчетливо осознаваемые своими границы. В родном месте «тихо, красиво, чисто», даже медведица, встреченная в лесу, кажется «свежей, чистой, умытой» [Молданова, 1997, 52]. «Чистые, светлые» [Там же, 59] люди живут в «чистых, уютных жилищах» [Там же, 55]. Главная героиня повести «Средний мир» Анны из Маланга вспоминает о своей юности как о сказке, где она, красивая и трудолюбивая, своевольная и разумная, любимая дочь отца, встретила своего богатыря. В «родном» мире ханты живут в согласии с природой, которую вовсе не воспринимают как бедную или суровую. Соразмерность природы и человеческого уклада помогли все новым поколениям ханты вести достойную гармоничную жизнь.

Специфическое представление об устройстве мира помогает ханты ощущать свою связь с близкими людьми. Так, Анна и через сорок лет после смерти мужа не перестает чувствовать общность с ним, ушедшим в «нижний мир». Она ощущает, когда он уходит из «среднего мира» живых, и, не имея от него никаких материально закрепленных вестей, разжигает поминальный костер, а потом специально копит радостные и горькие впечатления жизни, чтобы там, в другом мире, с ним поделиться. Такую же общность чувствует героиня «Касания цивилизации» Татьяна со своей, уже покойной, бабушкой: *Татьяна подняла голову и вверху, сквозь потолок, увидела печальные глаза своей любимой бабушки, умершей два года назад... Сейчас, в минуту тяжелого душевного состояния внучки, старая женщина пыталась помочь ей и вопреки физическому небытию изо всех сил тянула к ней свои теплые, ласковые руки* [Молданова, 1997, 50]. «Средний мир» населен духами, общение с которыми — молитвы, жертвоприношения, жалобы — составляет неотъемлемую часть повседневной жизни ханты. Тут-имие — огонь домашнего

очага, с которым Анна ведет постоянные беседы, выполняет для нее роль советчика, лекаря и внимательного друга. Духи приносят пророческие сны и выполняют просьбы людей. Умение общаться с ними дает ощущение безопасности: *Я на родной земле. Я на соболиных коленях Великой казымской богини* [Там же, 52]. Привыкнув рассчитывать только на себя и своих духов, человек живет самостоятельно, сам обустроивает свою жизнь, не испытывает духовной пустоты. Он учится доверять себе и опыту народа, развивая в себе дар ясновидения и мудрость.

Этот сказочный мир, по Молдановой, находился вне истории и идеологии. Памятливые, заботливые, трудолюбивые бабушка Татьяны, дед Егор, Анна и другие жили на своей земле по законам предков до вторжения в их жизнь советской власти — исторического катаклизма, в котором ханты потеряли землю, уклад, достоинство, жизнь.

Мир советской власти — это мир идеологический, описываемый через тему жертвоприношения человека во имя идеи. Моментом выхода из сказки в историческую, полную драматизма жизнь стал для Анны арест мужа — участника так называемого Казымского восстания 1933 г., когда мужчины-оленеводы приехали в городской интернат и забрали оттуда своих детей, насильно приобщаемых к грамоте.

Пришлые люди — «моймский ханты» и «чужие», т. е. русские, вносят сумятицу в сознание хантыйских женщин, которым трудно совместить внушаемую им веру в новые, «справедливые» законы и легитимацию насилия по отношению к их мужьям, вполне здоровое, с точки зрения традиционных ценностей, поведение которых — возвращение малых детей домой, в семью — рассматривается «справедливой» властью как преступление. Эта сумятица вызывает в женщинах чувство вины, основанное на признании собственной неготовности понять знаки, видимо, поданные предками, подготовиться к страшной беде, достойным образом сохранить очаг и семью.

Анна, верная своему главному предназначению — быть преданной матерью и женой, воспринимается чужими как «остячка», готовая выстрелить в спину, враг, выступивший вместе с мужем против советской власти, не желающий отдавать ей своих детей. *Мы их из дерьма вытаскиваем, а они, твари неблагодарные, руку против Советской власти подняли* [Молданова, 1993, 67] — вот позиция «пришлых» людей. «Дерьмо» — это образ жизни ханты, который интерпретируется как неправильный, низовой, бескультурный.

Культурный = грамотный — вот представление о норме у чужих, поддерживающих новую власть. Не готовый воспринять подобное понимание культуры народ должен быть доведен до него насильственно, «железной рукой». Революционный, а не эволюционный путь развития, провозглашенный новой властью, требует ускоренного приобщения к цивилизованности, возможного только через отлучение детей от «отсталых» родителей, которые считали, что дети должны идти по их стопам и стать: сыновья — охотниками и рыболовами, а дочери — женами и матерями.

Протест родителей против подобного вторжения в их укрепленное веками естественное право получил неожиданно жестокое наказание: отцы были отправлены в тюрьму и убиты, а матери с детьми оставлены без средств к существованию и орудий для их добычи умирать голодной смертью. Анне приходится мобилизовать все свои силы, данный воспитанием и жизнью опыт, сражаясь за сохранение детей не с природой, но с властью. Вместо продекларированной помощи Советы принесли беду и опасность. Люди из рода заботятся друг о друге, властям нет дела до этих людей. Анна готова совершать невозможное ради спасения детей, но она даже не рассчитывает на помощь государства. Ее дети — это забота ее и духов ее народа. Ханты приспособились к суровому климату, научились выживать, но государство оказалось сильнее самого сильного человека, оно обрекает его на смерть.

В повести «Касание цивилизации» та же тема — битва за детей — решается в более общем ключе. Названия глав — «Зов», «Дорога к остывшему очагу», «Боль воспоминающий», «Выживание», «Любовь», «Дочь», «Слом» — указывают вехи на пути этой битвы. *Сладостная песня на родном языке* [Молданова, 1997, 50], прозвучавшая в сознании героини, придает сил и помогает женщине выбраться из города. Город ассоциируется у нее со смертью, спасение она — дочь хантыйки и неизвестного русского — видит в возвращении в бабушкин дом в «белоягельном краю», где счастливо прошло ее детство. Как только Татьяна устремляется домой, к ней возвращаются способности предков: *Зрение, слух обострились и улавливали малейшее движение, малейший шорох* (Там же, 51), ненужные в цивилизованной жизни знания и навыки: как не простудиться, надев чулки, наполненные хвоей и золой; как приготовить мягкую постель из лапника; как выгнать из дома дух прежних постояльцев; как поблагодарить друга детства — медвежьей головой и т. п. Героиня видит спасение в том, чтобы жить, *движение в движении повторяя свою бабушку, тщательно исполняя каждую мелочь, отшлифованную традицией хантыйского народа* [Там же, 53, 59].

Возвращение в ритм хантыйской жизни для Татьяны — единственная возможность избавиться от гнетущего ощущения ущербности, выработанного за время жизни в городе, среди русских. Но русские снова настигают ее: спаивают мужа, разрушают бабушкин дом. Татьяна умирает от преждевременных родов, в последнюю минуту обратив к шестилетней дочери крик-просьбу спастись. Догадаться, от чего надо спастись, несложно — от наступающих со всех сторон завоевателей.

Русские уродуют хантыйскую землю, ставят на ней безобразные поселки, которые выглядят как *груда огромных железных труб и десятка два скособоченных балочек* [Там же, 51]. Чистый и прекрасный лес детства ими *искромсан, устлан растерзанными обрубками деревьев* [Там же, 62]. Так же они уродуют жизни тех ханты, что встречаются им на пути. Русские в повестях — загадочные недобрые люди, понять которых не в силах даже Татьяна, хотя в ее жилах течет кровь русского отца. Они запрещают то, что привычно ханты: есть мороженую оленину и рожать детей дома. В «колхозные и военные времена» они вынуждают женщин делать непосильную и непривычную для них работу: *заниматься подледным ловом рыбы, возить на дальние расстояния тяжелые грузы, таскать сырые бревна* [Молданова, 1997, 59]. Они приучили ханты пить водку. Они ставят свои буровые, где захочется, летают на вертолетах, пугая оленей. Они приезжают неизвестно откуда, не стремясь узнать народ, на землю которого пришли. Они — хозяева своей страны, а значит, и не принадлежащей им по праву наследования земли, оттого чувствуют превосходство, основанное лишь на паспортной записи о национальности: узнав о том, что она хантыйка, внешне похожую на русскую Татьяну начала презирать и унижать квартирная хозяйка со своим звероподобным сожителем.

Ханты не стремятся сблизиться с русскими, если только не оказываются разрушенными водкой; они интуитивно чувствуют идущую от русских опасность. Образ чужого связан для них не с притягательностью иной культуры, но с непредсказуемо жестоким строем жизни. Даже гордость русских — Ленинград — вспоминается Татьяна только как место «погребенных травинки, закатанных под асфальт». Грамотность стала частью жизни ханты, героиня «Касания цивилизации» находит в амбаре тетрадки и карандаши, она может записать историю своей жизни, передать бумаге свои переживания. Но знание грамоты в повестях никогда не связывается с русскими. Русские не стремятся ассимилировать ханты, они их равнодушно, не замечая, уничтожают. Во врагах нет ничего доброго — они насильники, разрушители, растлители. Можно, конечно,

поступить, как собака Нуви, которая ради пищи *ползла и виляла хвостом... умиленно заглядывала в глаза хищнику* (Там же, 75), забыв про убитого друга. Но недостойность подобного поведения ханты — героями повестей даже не обсуждается.

Жизнь, принесенная новой властью русских, описана через образ «беспощадной реки», которая «пожирает» красавцы-деревья: *...Оказавшись на берегу, почуяв опасность, деревья всеми силами пытались сохранить жизнь, цеплялись за питающую их землю. Все бесполезно, вода знала свою работу, методично, шаг за шагом, она посягала на самое сокровенное, она посягала на корни. Неспособные убежать, беспомощные кедр, березки, рябинки все ниже и ниже склоняли свои обреченные головы. Наконец обламывался последний корешок, и они падали. Река с радостью хватала их трупы, уносила неведомо куда и с новой энергией бралась за очередную жертву* [Там же, 51]. Русские разрушают народ ханты, как тайгу: *И вот перед глазами не горы поломанных деревьев, а трупы раздавленных человеческих жизней. Она зримо увидела, как вросшие в родную землю, не способные бежать, кричать, сотни хантыйских матерей в немом ужасе прикрывают руками своих беззащитных детей. И она с ними... Она видит, как огромное железное Чудовище приближается к ней. Раскрытая лязгающая пасть выхватывает сына... Явственный хруст детских косточек...* [Там же, 62].

Исход столкновения пассивного и активного, мирного и военизированного, мистического и рационального, наивного и изощренного, казалось бы, предопределен, но человек культуры (в этом качестве только и может предстать писатель), защищающий свой народ, хорошо знакомый с особенностями культуры захватчика, не может не использовать малейшего шанса, чтобы приостановить вторжение.

Понятен пафос писательницы-этнографа, которая столь значительное место отводит описанию обычаев и традиций ханты. Молданова очевидно ставит перед собой просветительскую задачу — познакомить русскоязычного читателя с культурой ханты. Ее установка проста: человек, говорящий на другом языке, слушавший в детстве другие сказки, получавший иные знания и систему наставлений, наконец, проживший жизнь в других условиях, мыслит и видит мир по-своему⁴. На взгляд человека другой культуры, беличий желудок — странное лакомство для ребенка, но для этнографа важно то, что у ханты существует, как и у других народов, особая система лакомств и поощрений. Образность, при которой абстрактное обладает физической осязаемостью действий, не менее выразительна и наглядна, чем любая другая. Разработанная система ритуалов, которая не выдерживает рациональной проверки, органически вписывается в имеющуюся систему ценностей ханты, помогает им чувствовать себя значимой частью мироздания.

Понимая, что «средний мир», где они сейчас живут, — лишь часть мироздания, они верят в предсказания, в духов, отчего кажутся самонадеянным захватчикам пассивными и апатичными. Когда Анна, потеряв пятерых детей, смотрит на оставшихся трех, она спокойно думает, что *детей, кого смогла, сохранила* [Молданова, 1993, 63], ведь все равно все они потом встретятся в «нижнем мире». С детства усвоив, что в тундру *нельзя ехать без необходимого и нельзя брать ничего лишнего* [Там же, 79], они лишены агрессивности и жадности накопительства. У них сложились обычаи, помогающие обустроить жизнь, в том числе и духовную, в суровом климате.

⁴ Показать внутреннюю логику и красоту непривычного для господствующего мировидения пытались в русской культуре неокрестьянские поэты, писатели-«деревенщики». Этнографические = жизнеописательные очерки являются специфическим способом привлечь внимание к слабости.

Определенный образ ханты у других народов складывается еще и потому, что им в высшей степени присуща культура молчания, где не выражающий себя во внешнем слове человек на деле обладает и глубиной переживаний, и способностью к напряженной рефлексии. Другое дело, что рефлексия эта идет в рамках уже сложившихся в народе традиций. Встретившись с красотой, горем, надеждой, человек ищет в фольклоре подходящий образ. Лишь в крайнюю минуту человек выражает себя в слове, в том числе и поэтическом, когда в песню, тоже по уже сложившемуся образцу, укладывается вся жизнь: я красавица — мужчина-богатырь меня сосватал — восемь птенцов — друга взяли и увезли — в гнездышке одиноком птенчиков лишь убавляется. *Поет Анна, и рушатся стенки ее жилища, входят в него века прошлые и века грядущие, идут сражения, кипят страсти, рождаются и умирают люди, поколения сменяются поколениями. Поет Анна — и входят в ее дом веселье и задор, таинства и поучения* [Там же, 89].

Т. Молданова объясняет читателю эти особенности другого мышления, делает их видимыми, обнаруживает их противоречие с господствующими в русском мире — но не являющимися единственно возможными и верными — представлениями.

Элементы этнографического очерка, культурологические рассуждения введены в традиционные для «деревенской» прозы сюжетные схемы смерти праведника и путешествия-возвращения в отчий дом⁵. В повести «“Средний мир” Анны из Маланга» показан уход из жизни пожилой женщины, вспоминающей перед смертью свою судьбу, главным событием в которой стала борьба за выживание детей после ареста мужа. Образ мудрой старухи — носительницы традиционных ценностей — подобен образам многих героинь-вдов русской «деревенской» прозы, но в гибели мужа и детей Анны виновны новые порядки, установленные советской властью и осуществленные самоуверенными русскими. В повести «Касание цивилизации» Татьяне, в отличие от большинства героев русской «деревенской» прозы, удается вернуться в нетронутые родные места и даже излечиться там от нанесенных городом травм, но экспансия русских на нефтеносный Север убивает героиню.

И в том и в другом случае мир идиллии сталкивается с миром истории, при этом мир идиллии в ситуации столкновения изображается подробно, тогда как мир истории — предельно схематично через публицистически броские образы чужих как захватчиков. Историческая концепция проста. Испокоп веку трудолюбивый и миролюбивый народ жил на далекой «чистой» земле. Он веками вырабатывал обычаи, в итоге создав гармоничную и спокойную жизнь, и неуклонно следовал этим обычаям. Но русские решили перестроить чужую жизнь по существующему в их сознании образцу. Они не пожелали знакомиться с традициями и обычаями «другого» и, сами толком не зная, что и, главное, как делать с малоинтересными им северными народами, оторвали их от корней и утратили интерес к ним и их землям, пока не обнаружили там нефть и газ, после чего, уже окончательно игнорируя волю коренного народа, начали хозяйничать на земле, не понимая, какое значение имеют для населения эти уголья, леса и т. п. Итог — изуродованная земля и вымирающий народ, интересный захватчикам лишь для демонстрации этнографических диковин.

История всякой колонизации должна приводить к мысли о взаимной ответственности народа, не готового противостоять натиску цивилизации, и цивилизующего, не дающего себе труда задуматься о последствиях этого натиска. Не будучи в состоянии уберечь землю от власти, люди культуры пошли по пути заповедного (читай — резер-

⁵ Подробнее об этих схемах см.: [Parthe, 1992].

вационного) спасения культуры, ее музеизации. Экспонаты подобных музеев — обряды и легенды, песни и ритуалы, конструктивные и деструктивные жизненные практики — призваны вызвать интерес у стороннего наблюдателя. Интерес, который, по идее, должен перейти в сочувствие. Сформировать у русского читателя чувство вины за содеянное. Одновременно создание подобного «музея» является формой самооправдания перед собственным народом. Охраняя от распыления и уничтожения культуру, писатель тем самым как бы объясняет, какую функцию он выполняет в обществе, идеальная традиционная структура которого не предполагает наличие писателей. Он превращается в хранителя своеобразия и летописца страданий. Русская культура подсказала ему эти способы хранить и летописать, своя культура дала ему материал, таким образом, он единственный в рамках собственного творчества выступает в роли своеобразного посредника между двумя непримиримыми соседями, способного привлечь внимание к скрытой, но от этого не менее жестокой колониальной войне.

Молданова Т. «Средний мир» Анны из Маланга // Северная книга. Томск, 1993.

Молданова Т. Касания цивилизации // Мир Севера. 1997. № 3.

БТЭ — Большая Тюменская энциклопедия: В 3 т. Т. 2. Тюмень, 2004.

Сопленков С. В. Дорога в Арзрум: Русская общественная мысль о Востоке. М., 2000.

Эткинд А. Фуко и тезис внутренней колонизации: Постколониальный взгляд на советское прошлое // Нов. лит. обозрение. 2001. № 49. С. 50—74.

Canmadine D. Ornamentalism. How the British Saw Their Empire. Oxford, 2001.

Parthe K. Russian Village Prose: The Radiant Past. Princeton, 1992.

Slezkine Y. Arctic Mirrors. Russia and Small Peoples of The North. Ithaca, 1994.

Статья поступила в редакцию 16.07.07.

О. Г. Сидорова

АЗИАТСКИЙ «АКЦЕНТ» В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ США

Рассматриваются особенности нового направления современной американской литературы — азиатско-американской. Ввиду полного отсутствия на русском языке материалов о представителях данного направления приводятся библиографические сведения о них.

Последние десятилетия XX в. стали периодом, когда в литературе США происходит процесс вычленения и осмысления национально-этнических составляющих общего литературного процесса: кроме афро-американской литературы, которая появилась и сформировалась раньше [см.: Graham, 2003], появляется написанная на английском языке литература коренного населения Америки — индейцев, литература латиноамериканского меньшинства чиканос, а также азиатско-американская литература.

Азиатско-американская литература, как считает профессор Да Женг, возникла как отдельное направление в конце 1960-х гг., и в течение последующих десятилетий пре-